

emergence of different conflicts, in fact contains the potential for conflict, which develops under certain conditions. Depending on the stage of development of the conflictness the form of its manifestation could become more aggressive. At the initial stage among certain groups dissatisfaction with the situation in important areas of life is formed, pessimism starts to spread. However, at this stage there is lack of active manifestations of discontent or protest. But already at the second stage the attempts are made to find someone to blame, the level of trust in the authorities is decreasing, discontent begins to have more acute form, manifesting itself in various protests, conflicts.

References

1. Parsons T. Action Theory and the Human Condition. New York, 1978.
2. Merton R K. Social Theory and Social Structure. New York, 1968.
3. Simmel N. Theory of Collective Behavior. New York, 1972.
4. Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // N. J.: Princeton University Press. 1969.
5. Coser L. Functions of Social Conflict. New York, 1956.

С. А. Воронина (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Некоторые исследователи считают, что категория «молодежная субкультура» исчерпала себя, так как в обществе постмодерна сложно провести четкие границы между господствующей культурой и альтернативными ей субкультурами. Поэтому в современной социологии внимание к молодежной культуре, или субкультуре несколько снизилось. Складывается мнение, что современная социальная структура представляет собой совокупность микрокультур, хотя говорить об отсутствии в сегодняшней России господствующей культуры, на наш взгляд, некорректно. Совершенно ясно, что в обществе, которое многие исследователи характеризуют как инерционно-сохранительное, доминирующей культурой является российская традиционная культура. Это отчетливо проявляется в культурной политике нашего государства.

В связи с этим социологам необходимо постоянно пристально наблюдать за изменяющимися формами субкультур, границами поня-

тия «субкультура», функциями и ролью, которую субкультуры играют в общем культурном мейнстриме.

Учитывая полипарадигмальность современной социологической науки, есть смысл говорить не о единой метатеоретической конструкции, а скорее о различных методологических подходах к изучению субкультур. Термин «субкультура» сегодня трактуется по-разному. Так, например, в Энциклопедическом социологическом словаре под редакцией Г. В. Осипова под субкультурой понимается «понятие, характеризующее культуру группы или класса, которая отличается от господствующей культуры или же является враждебной этой культуре (контркультура). Современное развитое общество, базирующееся на разделении труда и социальной стратификации, представляет собой систему многообразных групп и подкультур, находящихся в весьма различном отношении друг к другу» [1, с. 551]. Данное определение, автором которого является А. М. Яковлев, написано с позиций марксистской методологии, априори признает наличие господствующей культуры, которая понимается как моностилистическая, однако современная действительность говорит о переходе к полистилистическому типу культуры.

Изучение молодежных объединений уходит корнями в традиции городской этнографии, которые можно проследить начиная с XIX в. Однако научный подход к субкультуре (с методологией включенного наблюдения) был оформлен лишь в 1920-х гг., когда группа социологов и криминологов в Чикаго (В. Ф. Уайт, А. Коен, Г. Беккер и др.) начала собирать данные о подростковых уличных шайках и девиантных группах (профессиональных уголовниках, торговцах контрабандой и др.).

Впервые на молодежные субкультуры как значимый социальный феномен обратили внимание западные социологи в середине 50-х гг. XX столетия. В то время молодежные образования западным обществом воспринимались в первую очередь как социальная проблема, ставившая под сомнение ценности господствующей культуры. Одними из первых молодежными образованиями заинтересовались функционалисты. Впервые молодежную культуру и субкультуру сквозь призму функционального подхода изучил Т. Парсонс, который и ввел в социологический язык понятие «молодежная культура», позднее этот подход в отношении молодежи развил Ш. Айзенштадт. С середины 1960-х гг. на Западе начинают развиваться различные теоретические подходы к исследованию молодежной субкультуры и культуры. Во многом в них подвергались критике предыдущие концепции, особенно функционалистские. Основными подходами являют-

ся: классовый, гендерный и расовый. Их называют радикальными. Главная предпосылка исследователей заключается в том, что не так важен разрыв между молодым и старшим поколением, как разрыв внутри общества по признаку пола, класса или расы.

Предпосылки для обращения внимания на социальное происхождение носителей субкультуры были в социологии и до этого, достаточно вспомнить исследования Чикагской школы, представители которой доказали зависимость субкультурного социального выбора от недостаточно высокого социального статуса. Этот подход развили Д. Доунс и П. Уиллис, подкрепляли обширным эмпирическим материалом социологи Бирмингемской школы. Во многом из критики классового подхода родился гендерный подход. Так, А. МакРоби и Д. Гарбер обратили внимание на то, что молодежные феномены изучаются только как мужские и в основном мужчинами, поэтому они исследовали субкультурную жизнь девушек. Ряд исследователей также обратили внимание на то, что молодежная культура развивается как взаимодействие новоевропейских, африканских, американских и азиатских культурных влияний. В рамках Центра современных культурных исследований Бирмингемского университета в 70–80-е гг. XX столетия развивались идеи ритуального сопротивления (С. Холл и Т. Джефферсон), концепции критической криминологии и теории идеи субкультурной стилизации как способа групповых идентификаций (М. Брейк), а также семиологии (Д. Хебдидж).

Весомый вклад в понимание феномена субкультур внесли интеракционисты. С. Коэн на примере английских молодежных субкультур проследил, как возникает «моральная паника». Исследователь предположил, что, определяя какой-то элемент социального окружения (эпизод, индивида или группу индивидов) как опасность, угрозу социальным интересам и ценностям, общество (при помощи масс-медиа) способно создавать реакцию определенной силы на данный элемент. Представители приведенных парадигм рассматривают молодежные субкультуры и масс-медиа как два самостоятельных феномена либо анализируют представленность образов молодежной культуры в СМК, содержания сообщений, соответствия их реальности.

На социологию молодежи и, в частности, на изучение субкультурных образований повлияли также работы У. Бека, Э. Гидденса, А. Беннета, С. Редхэда, М. Физерстоуна и ученых, разрабатывающих идеи глобально-локальных интерпретаций современных молодежных практик (Х. Пилкингтон, Дж. Томлинсон, С. Торнтон) [2].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает конструкционистский подход, первые положения которого разрабатывались

в рамках символического интеракционизма Ч. Кули и Г. Мида. Молодежная культура и ее субкультурные элементы рассматриваются как объект социального конструирования, акцент делается не на реально существующих и проявляющих себя в действительности особенностях феномена, а на том, каким образом в обществе формируются, поддерживаются, распространяются знания и представления о нем.

Первые наброски конструкционизма можно найти в интеракционистской школе социологии 30-х гг. и особенно в теориях символического интеракционизма (Ч. Кули, Г. Мид), которые рассматривали социальное взаимодействие как основу для индивидуальных интерпретаций объективного мира. «Персональные идеи» Ч. Кули — наборы впечатлений, вступающих в контакт и взаимодействующих людей друг о друге, что, по сути, является конструированием смысла, проектируемого на человека при его интерпретации [3]. Введя в научный оборот новое понятие «the self», понимая его как социальный конструкт, Г. Мид утверждал, что только из-за возможности узнавать и использовать символы, смыслы которых разделяются другими, люди могут коммуницировать при помощи языка, основанного на обусловленности смыслов [4].

Теории «наклеивания ярлыка» исходят из предположения о том, что ни одна форма поведения не является изначально девиантной. Смысл этих теорий в том, что девиация является не психологической предрасположенностью отдельных индивидов, а процессом «обучающей» социализации («learned behaviour pattern») и возникает из наложения социальной оценки на определенные формы поведения. Девиация (как форма социального явления) никогда не может быть определена «объективно», поскольку, являясь субъектом исторической и социальной изменчивости, всегда зависит от серии обсуждаемых трансакций между теми, кто устанавливает социальные правила, нормы и нарушает их.

Процесс постепенного изменения смысла, вкладываемого в то или иное понятие, изучался многими социальными учеными. Теоретики постмодернистского направления (П. Бурдьё, М. Фуко) дали новый толчок развитию теории социального конструирования введением понятия «дискурс» как практики доминирования определенных эпистемологических и онтологических положений, свойственных данной эпохе.

Один из наиболее влиятельных в социологической теории постструктуралист М. Фуко главную задачу науки видел в деконструкции социального явления и установлении исторических источников его

смысловых структур, акцентируя внимание на деконструировании лингвистических структур, а также структур власти [5, с. 191].

Он рассматривал дискурс как определенную область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих для многих людей установок и типа мышления. Изменение дискурса любого понятия М. Фуко видит во властном аспекте, понимая власть как «множественность отношений силы», как «аспект мобильных отношений, причем всех отношений, а не только политических». Власть проявляется «в стратегиях, внутри которых отношения силы в обществе достигают своей действительности, в формулировании закона, в формах социального господства» и т.д. Таким образом, конструирование определенного понятия, установление и фиксация дискурса его употребления, придание ему определенной системы, смыслов всегда является аспектом властных отношений в обществе.

Если рассматривать молодежную культуру как дискурс, то деконструирование ее как явления, по нашему мнению, сводится к контролю за ней со стороны общества через масс-медиа при помощи:

- 1) языковых смыслов, рассматривающих ее как девиантную;
- 2) офаничения альтернативных представлений о ней (например, как об инновационной);
- 3) приписывания властных отношений (конструирование образа, соответствующего интересам доминирующих в обществе сил).

Если говорить о конструировании молодежной культуры в масс-медиа, теория М. Фуко дает понимание того, что акцентуализация отклоняющихся моментов и придание (приписывание) молодежной культуре смысла девиантной культуры является отражением глубоко проникновения властных отношений в глубь общества.

Не менее интересны идеи другого французского теоретика П. Бурдьё, касающиеся социального конструирования смысла. Любое явление и предмет действительности, существующий объективно, является объектом постоянного конструирования уже хотя бы потому, что представляется нам через те слова, которыми оно описывается. Рассматривая понятия «символическая власть» и «символическая борьба», П. Бурдьё делает акцент на способности навязать другим свои представления об определенных реалиях [6, с. 56].

Классическим примером анализа феномена «моральной паники» считается исследование С. Коэна социальной реакции на новые для английского общества 60-х гг. виды молодежных культур. Его исследование основывается на интеракционистском подходе и рассма-

тривает моральную панику как способ социального конструирования молодежных субкультур. Исследователь предположил, что, определяя какой-то элемент социального окружения (эпизод, индивида или группу индивидов) как опасность, угрозу социальным интересам и ценностям, общество (при помощи масс-медиа) способно создавать реакцию определенной силы на данный элемент. Он рассматривает механизм подобной реакции на примере двух молодежных субкультур — модов и рокеров, которые, по С. Коэну, вошли в историю английской культуры в качестве «народных бесов». Возникнув, они стали определяться обществом в терминах «особых» форм поведения, и именно такое определение способствовало тому, что они стали «особыми» молодежными культурами [7].

Таким образом, С. Коэном описан типичный механизм наклеивания ярлыка, рассматриваемый в транзакционистской теории девиации. Будучи определены как девиантные, эти молодежные группы стали девиантами как в глазах общественности, так и на уровне самоидентификации. По терминологии Э. Лемерта, в случае модов и рокеров имела место как первичная, так и вторичная девиация. Исследование С. Коэна посвящено описанию того, каким образом происходил этот процесс, причем главный аспект его анализа сделан на определении роли медиа в навешивании ярлыков и символическом конструировании «девиантности» модов и рокеров.

Исследователь не только рассматривает непосредственную реакцию на молодежную культуру, но и описывает целую культуру социального контроля, действующую во многом через масс-медиа. Согласно С. Коэну, культура социального контроля играет ключевую роль в формировании «моральной паники» [8, с. 165].

Итак, применение конструкционистского подхода при анализе соотношения молодежных субкультур и масс-медиа позволяет рассмотреть существование одного феномена в рамках другого. Исследование проблемы формирования, поддержания и распространения знаний и представлений о социальном явлении, являющейся ключевой для теоретиков конструкционистского направления, в работе С. Коэна строится вокруг анализа содержания медиасообщений и понимания роли медиапрезентаций молодежной культуры в современных обществах, а также их влияния на дальнейшее развитие реальных характеристик и форм молодежной культуры.

Поднятая проблема медиадискурсов молодежной культуры может быть рассмотрена как характеристика культурных отношений в обществе. Занимая доминирующее положение в обществе, культура взрослого большинства не может развиваться, не принимая в свою орби-

ту пусть первоначально трактуемую как девиантную, но тем не менее впоследствии оказывающую значительное влияние на культурный мейнстрим молодежную культуру.

Библиографический список

1. Осипов Г. В. Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г. В. Осипова. М., 1995. С. 551.
2. Giddens A. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London, 1979.
3. Cooley Ch. Human Nature and Social Order. New York, 1964.
4. Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.
5. Фуко М. Воля к истине; по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет : пер. с франц. М., 1995. С. 191.
6. Другое поле. Социологические практики / под ред. Е. Л. Омельченко, С. Л. Перфильева. Ульяновск, 2000. С. 56.
7. Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers. Oxford, 1972.
8. Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.

О. Н. Замятина, А. Н. Домашев (Барнаул)

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

В настоящее время в России идет сложный процесс трансформации общественного сознания и поиска новых социальных ориентиров, которые молодежь, в силу своей исторической миссии, призвана транслировать в будущее. Изменяющееся содержание всех сторон жизни и деятельности общества отразилось и на состоянии правовых явлений и отношений. Значительно возрос количественный и качественный показатель правонарушений и иных форм поведения, отклоняющихся от общепринятых правил и социальных норм. В этой связи назрела необходимость повысить уровень правовой культуры молодого человека.

Обратимся к исследованию составляющих элементов правовой культуры. Для определения и раскрытия содержательных показателей правовой культуры необходимо установить этимологическое и теоретико-методологическое содержание таких понятий и категорий, как «культура» и «правовая культура».